

ДЖО КРЭДДОК И ЕГО СТАРУХА

Перевод с английского М. Лорие

Джулия Крэддок прожила тридцать пять лет и никогда не была хороша собой и женственна. Тридцать пять лет прошло — молодость и зрелость, но ни красоты, ни женственности в ней не прибавилось. С каждым годом она все больше дурнела. После пятнадцати лет, проведенных у плиты и над корытом, тело у нее стало сухое, мускулистое. Волосы были прямые, жесткие, сальные. Лицо избородили уродливые морщины тяжелого труда, плоские груди отвисли. Мужчины никогда не видели в Джулии ничего, кроме рабочей скотины. Даже Джо, ее муж. Для Джо она всегда была «старухой».

И вот она умерла.

Смерть была ей наградой. Наградой за уродство ее лица и тела, за всю ее жизнь. В жизни она не знала счастья — одиннадцать человек детей, четырнадцать коров, куры. И восемь вонючих свиней. Ни разу за последние десять лет Джулия не уезжала с фермы. Работа, работа, работа с четырех утра до девяти вечера; ни праздников, ни поездок в город, ни времени, чтобы вымыться с головы до ног. Джо тоже все время работал. Но никакого проку от его работы не было — только боль в спине, горе и бедность. Чем больше он работал, тем беднее становился. Если осенью у него набиралось двадцать тюков хлопка, цены падали так низко, что денег едва хватало на удобрения, и то не всегда. А если цена поднималась до тридцати центов за фунт, хлопок погибал либо от проливных дождей, либо от засухи, и продавать было нечего. Да, такой жизнью, какая выпала на долю Джо и Джулии, не стоило жить особенно долго.

И вот Джулия умерла. И никогда она не была красавицей, никогда даже не чувствовала себя красивой. Ни разу ей не довелось надеть шелковое белье, напудрить нос, подрумянить щеки или вычистить всю грязь из-под ногтей.

Пришел похоронных дел мастер и увез покойницу. На следующее утро он привез ее обратно на ферму, чтобы к вечеру похоронить на кладбище возле методистской молельни.

Но какое чудо он привез на ферму!

Джо долго не мог поверить, что это Джулия. Потом он разыскал фотографию, которую она подарила ему за несколько недель до свадьбы, и тогда убедился, что это все-таки его жена. Она точно снова стала молодой девушкой.

Джулию вымыли с ног до головы, волосы промыли шампунем. Руки у нее были белые, на ногтях маникюр; лицо чистое и гладкое под румянами и пудрой, а ввалившиеся щеки подложены ватой. Теперь-то Джулия была настоящая красавица. Джо просто глаз не мог от нее отвести. Весь день он просидел у гроба, тихо плакал и любовался ее красотой. На ней были шелковые чулки и рубашка, а поверх рубашки — платье цвета морской волны, шелковое, без рукавов и с глубоким вырезом. Благодаря искусству похоронных дел мастера она стала похожа на прекрасную молодую девушку.

К вечеру ее схоронили с ее красотой на кладбище возле молельни. В последнюю минуту Джо попросил было отложить похороны до завтра,

но похоронных дел мастер и слушать его не стал. Он просто не понял этой странной просьбы.

Дети Джулии, кроме двух старших, не знали толком, что случилось с их матерью. Прошло несколько лет, прежде чем они поверили, что покойница, которую тогда привезли к ним в дом, и была их мать Джулия.

— Но ведь та женщина в гробу была красивая леди, — говорили они.

— Да, — отвечал им Джо. — Джулия — ваша мать — была красивая леди.

И он шел к комоду, доставал из ящика фотографию и показывал им.

ВЕЧЕР В НУЭВО-ЛЕОНЕ

Перевод с английского Ивана Кашкина

Было десять часов и в ясном небе пустыни уже показались звезды, когда мы добрались до Нуэво-Леона. Вдоволь поколесив по его огороженным глиняными заборами улицам, мы отыскали, наконец, гостиницу и остановились у ее подъезда. Народу кругом было мало, и слышалось только бульканье фонтана посреди площади по ту сторону улицы, и ветерок из пустыни шуршал листьями высоких пальм, словно тафтой.

Мы еще не успели вытащить из машины все, что могло понадобиться на ночлег, как навстречу, кланяясь и улыбаясь, выбежал сам владелец гостиницы. Он помог нам управиться с поклажей и повел через вестибюль.

— Вы оказали мне честь посещением моего отеля, — сказал он, остановившись посредине холла и снова раскланиваясь. — Я весьма польщен видеть вас у себя. Вы оказали честь отелю «Реформа».

Мы улыбнулись в ответ. Нам приятно было, что нас так радушно встречают.

Хозяин зашел за конторку. Потом он разложил передо мной книгу для приезжающих и вручил перо, предварительно обмакнув его в чернила.

— Мой дом в полном вашем распоряжении, сеньор, — учтиво сказал он. — Давно ли вы в Мексике?

Усталые и пропыленные, мы не были расположены к разговорам. Мы проделали трудный путь от моря через пустыню и горы. Хотя расстояние было не более трехсот миль, но ехали мы с пяти часов утра.

Я нацарапал в книге свою фамилию и прибавил «с супругой». На следующей строчке я полностью написал девичью фамилию моей жены.

Хозяин наклонился над книгой и стал пристально рассматривать обе записи.

— А сеньорита? — спросил он, поглядывая на нас.

— Нас только двое, — сказал я, указывая на себя и жену.

Он снова склонился над книгой, на этот раз предварительно вытащив очки и водрузив их на нос. Немного погодя он выпрямился, снял очки и поглядел на нас с недоумением.

— Как же это, сеньор? — спросил он уже без улыбки.

Жена толкнула меня локтем.

— А вот как, сеньор, — сказал я, — я подписался своей фамилией и прибавил «с супругой», имея в виду жену, а потом, на следующей строч-